

ПРАВО НА ЖИЗНЬ, ИЛИ ПРОБЛЕМА БЕСПАРТИЙНОСТИ

Источник: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

I

"Если ты до сих пор существуешь на свете, значит, ты благополучно проскочил через революцию и теперь имеешь право на жизнь, так сказать, за давностью лет..."

Так думал и неоднократно говорил себе в последнее время беспартийный писатель Леонид Сергеевич Останкин.

Думал он так вплоть до того дня, когда в вагоне трамвая столкнулся с одним из своих товарищей писателей, и тот поторопился сообщить ему новость, которая и привела впоследствии к трагической развязке.

В это роковое утро Останкин чувствовал себя особенно хорошо. Он сидел в сквере и ждал трамвая, чтобы ехать в свою редакцию. Весеннее солнце, весенние легкие костюмы, женские лица -- все это давало ощущение радости и легкости наладившейся жизни.

Сам он был одет в синюю блузу с отглаженными складочками, из хорошего дорогого материала, без воротника, а с вырезом, из которого виднелась чуть-чуть сорочка и мягкий воротник с галстучком в виде черного бантика.

Желтые туфли необыкновенно шли к синему, в особенности, когда он садился и вздергивал на колене брюки повыше. Он всегда их так вздергивал, чтобы видны были красивые модные носки квадратиками.

Этот костюм давал ему реальное ощущение того, что жизнь вошла наконец в спокойное русло, когда тебя уже никто не остановит и не спросит, почему так хорошо одет и из какого ты класса.

Если бы кто-нибудь спросил его, почему он таким щеголем ходит, Леонид Останкин с удовольствием ответил бы ему давно приготовленной на этот случай фразой:

-- Я горжусь тем, что Республика Советов может так одевать своих писателей.

И было даже досадно, что к нему никто с такой фразой не обращался. А с другой стороны, если не обращались, то, значит, жизнь действительно крепко вошла в берега. И бояться уже нечего.

И только иногда у него мелькал испуг: вдруг что-нибудь может пошатнуться,-- переменится политика по отношению к писателям или еще что-нибудь. Это жило в нем, как смутное ожидание. Хотя и оно все слабее и слабее проявлялось, так как никаких внешних толчков не было.

Но при малейшей тревоге у него все-таки каждый раз екало сердце.

Останкин увидел подходивший трамвай, хотел было сесть, но вовремя заметил тоже садившегося в трамвай знакомого писателя, Ивана Гвоздева, который все жаловался, что его "запечатывают", и имел привычку громко высказывать свои жалобы на власть; если это было на улице или в трамвае, то на него все оглядывались.

Поэтому Останкин сделал вид, что он опоздал сесть, и поехал в следующем трамвае. Кроме боязни, что на них будут оглядываться, когда Гвоздев начнет свои разговоры, у Останкина было к нему какое-то неуловимое презрение, как к писателю, печатавшемуся в более правых журналах. И хотя все журналы были советские и издавались тем же правительством, все же какие-то неуловимые оттенки правизны и левизны были. Они угадывались верхним чутьем. И хотя Леонид Останкин был и считал себя беспартийным, все же у него была внутренняя мерка левизны и правизны. И было это презрение к тем, кому приходилось печататься в правых журналах, какое бывает у человека устроившегося к неустраившемуся.

Пробираясь в вагон и глядя прищуренными близорукими глазами через очки несколько вкось, как он имел привычку смотреть, когда разглядывал дальние предметы, Останкин вдруг почувствовал, что его кто-то дернул за рукав.